

ПО ПОВОДУ ЗЛОГО ЗАЙЧИКА

Открыв сборник стихов Марии Кирилловой «Синий огонь», я удивился: меня тут не ждали. Я – читатель. Книга негостеприимная.

Слова простые, а пробиться к сути не могу. Стихотворение первое:

Вдалеке над чужими холмами
растворится простой силуэт,
обещали – не верили сами,
ранний вечер похож на рассвет.

.....

Струи вниз по стеклу, сильно плачет
«зайчик» призрачный, быстрый и злой.

О чём тут – никакого намёка. Автора моё непонимание не интересуется. И так везде. Стихотворение последнее:

Влеку наивную мечту,
куда – не знаю, всё не так,
лишь знаю – надобно быстрей
по лабиринту голых стен...
Мерцает утренняя тень
у плотно запертых дверей.

Я остаюсь с прочным ощущением катастрофичности бытия.

Велика частотность слов «чужое», «ветер». И «пепел», продукт «Синего огня».

Я думал, что у сюра тоже есть логика. Наверное, не всегда. Правил нет.

Чтоб догадаться, какой поэтической школе принадлежит Мария Кириллова, моей школы недостаточно. Подозреваю российский эстрадный рок 80–90-х.

Дарю Марии Владимировне пару её стихотворений, о коих она не знает. Я увидел их в «Содержании», которое, приученный предыдущим текстом, размахнулся читать как бы стихи. «По стыкам фраз, где здравый смысл не был» в самом сочинении, он, кажется, наметился в сочетании первых строк.

ВЕСЕННИЙ СУМРАК

На посту
сник мерцающий свет.
Не погулять – но всякий раз по делу
в руках короткое пальто.

В ПОИСКАХ СМЫСЛА

У подъезда
пространство отречений.
Возвращение
за гранью разума.
Будничный вечер.

Николай СЕРЕБРЕННИКОВ

«ИЗ НЕПРОЧНОЙ БУМАГИ»

Книгу нового поэта берёшь в руку с вопросом: с чем пришёл в мир, что хочешь сказать? Мария Кириллова входит в мир как будто с оглядкой, настороженно, с недоверием. Меня это новое имя в нынешней сибирской литературе не разочаровывает, но не скажу, что вызывает безусловный восторг. Первая книжка Марии Кирилловой литературно притягательна, но чем-то и настораживает, вызывает удивление и вопросы. А это уже немало для литератора-дебютанта.

В каменном доме я буду жить,
В железной кровати я буду спать.
В странные игры я буду играть,
Из дома выйду – буду гулять.

Стихотворение-парадокс называется «Безумная надежда». Почему парадокс? – а потому, что надежды-то как раз и нет. Вместо неё – ежедневная, серая проза жизни. Выходит, безумие этой «надежды» – в безнадежности? В его соседстве со словами «странные игры»? Впереди повседневный, серый уклад – без просвета-надежды. Героиня поняла: это мир без надежды, всегда одно и то же. Нет, не приняла, насовсем не вписалась. Она смотрит на всё со стороны. Позиция отрешённости. Обратим внимание на фон: почти всегда закат, а не рассвет.

В чём, в чём, а в поверхностности обвинять дебютанта не приходится. А что восторга нынешний мир наш не вызывает – этому как раз доверяешь. Но не скажу, что мне уютно в этом мире. Я, читатель, сразу задаю вопрос: вот эта усталость – привычное состояние души?

Я устала, сажусь на холодные камни,
и уставшие птицы вдруг садятся на ставни.
Вечереет, вокруг развеваются флаги,
я рисую в тетради из непрочной бумаги.
Я раскачиваюсь на подкошенном стуле,
различая мелодии в редующем гуле.

Как и многие другие, это стихотворение ни о чём. Настроенье – неопределённость, состояние переходное, да и слова вроде бы ни к чему не обязывают. И ровный, до однообразия, тон – это хорошо или плохо? Эмоциональных всплесков, энергичных выпадов – этого не нашёл я. Меланхоличность удивительна для человека, открывающего мир.

А для одобрения начну с предметного ряда, отмечу хорошую наблюдательность молодой поэтессы. Валерий Сердюк успел откликнуться на дебют Марии Кирилловой: «Мария – не живописец, а график, и несомненным достоинством её стихов видятся чёткость и точность рисунка». Согласен с этим отзывом и добавляю комплимент от себя: продуманное построение, даже классическая композиция стихотворений. Но важно ведь, какие чувства вызывает увиденное, какой мир выстраивается из цепко ухваченных подробностей. И, дальше – больше: зачем человек пишет?

Два начала бросаются в глаза: серый хаос буден и высокая форма как прибежище, спасенье. Лейтмотив стихотворений: мир – это черновик. А черновик он и есть черновик, нет к нему полного доверия. Ну да, это называется *недоказанность*. И ему, черновику, противостоит добротность формы. У Марии Кирилловой хорошая литературная школа – видна учёба у классиков. Этим она противостоит общему валу постмодерна. Тут, на мой взгляд, основное её усилие: победить хаос жизни высокой формой. А это имеет оборотную сторону: нет ярких красок, раскованности, нет вызова плоскому миру.

Но где же тогда взгляд человека нового поколения? Наверно, как раз в недоверии, в неполном приятии мира.

К дереву – столбу – ясеню,
Головой к земле – осенью...
Листья в сентябре – красные,
Воздух в сентябре – с просинью.

Цветаева делила всех стихотворцев на «поэтов с историей» и «поэтов без истории». Вторые – одержимые страстью-эросом. Мария Кириллова обошлась без темы любви. Это что-то значит, но не буду гадать: намеренная ли фигура умолчания или свойство характера. Во всяком случае, доктор Фрейд не найдёт комплекса Кассандры. Чувство бегущего момента точное, но исторического масштаба нет вовсе. Как нет и событий. Понять, оценить это можно лишь на контрастном фоне – говорю о поэтическом безвременье. Из мира мнимостей героиня хочет вернуться к себе, домой. Но путь этот явно незавершим. Потому что не ясно – куда, от чего к чему.

Всё обсудится, вкратце рассудится:
Не понравится – значит, не сбудется,
Не по нашим стандартам – не нравится,
В папку ветхую быстро отправится.

Тут рискну сказать о предпосылках философской лирики. Есть такая склонность. Но в ранней зрелости есть риск литературщины. Есть риск не встречи с жизнью. Да, душа нуждается в затишье, хотя бы во временном отстранении. Нужна встреча с собой. Но усталость в начале жизни, не в итоге, не вывод, а предпосылка творчества... И для философской лирики недостаёт вертикали и горизонта – дальнего обзора.

...И небо обращается в твердь,
И камни обращаются в пыль,
Былое обращается в смерть,
Грядущее – в неточную быль.

Философская лирика стала редкой гостьей в журналах – нет потребителя, спрос исчез. Вот чем интересен для меня, читателя, поэтический дебют Кирилловой. Возможно, я перебрал в негативе – всё из ожидания чего-то серьёзного, обнадеживающего. Одного неприятия попсы, наверно, маловато, нужен позитив. Но откуда он возьмётся у беспесенного поколения? Из веры, не только из робкой надежды, себя ограничивающей. Если нет доверия к жизни – о чём писать?

До стены – по земле обезлюдевшей,
Довершая сырые стихи,
Ни о чём размышляя – о будущем,
У которого дни велики.

Неужели в этом безграничном будущем всё те же «странные игры»? Всё та же имитация и никакого озарения? Ведь от нового поколения никто уже не ждёт Поэта: не ко двору он в культуре, утратившей песенный слух. Тогда что же остаётся – надежда на книжную мудрость? Но без сильного чувства жизни она склонна к быстрому истощению.

Хочется верить: Марии Кирилловой, при её-то хорошем чувстве языка, по силам глубокие обобщения. Пожелаем ей уверенного роста, укрепления корней.

Антон ХАЗИН